

Глава 1

Организация первой этнографической экспедиции МАЭ на Цейлон и в Индию

1.1. Предшественники.

Первые южноазиатские предметы в МАЭ

Поездке А.М. и Л.А. Мерварт в Индию предшествовали путешествия многих европейцев. Некоторые из них сумели собрать значительные индийские коллекции, лучшие из которых осели в Великобритании. Британские музеи обладают крупнейшими за пределами Южной Азии коллекциями южноазиатского искусства, а также материалами по быту населения, природе Индии, растительности и животному миру региона.

Пионерами собирания индийских коллекций в Европе считаются ученые Оксфордского университета. Еще в 1579 г. в Индии побывал профессор Нового колледжа преподобный Т. Стефенс. Оксфордский музей Эшмола и Бодлианская библиотека (Bodleian Library) стали, возможно, первыми в Европе, куда попали произведения индийской живописи и скульптуры, такие как старинная рукопись, украшенная миниатюрными изображениями, а также каменная статуя бога Вишну, преподнесенная университету его выпускником У. Хеджесом еще в 1686 г. В Оксфорде был основан первый в Британии музей, первоначально универсальный, выросший из собрания редкостей типа европейских кунсткамер и кунсткабинетов, но постепенно превратившийся в художественный музей мирового уровня, получивший название

Музея Эшмола (Ashmolean Museum of Art and Archaeology), в честь одного из основателей — Элиаса Эшмола (Elias Ashmole, 1617–1692), в собрании которого с самого начала находились индийские естественно-научные и этнографические экспонаты [Кроллау, Котин 2013: 54].

Еще одна старинная коллекция индийских диковин находилась в Британском музее, открытом в 1759 г. на базе собранной Хансом Слоуном (Sir Hans Sloane, 1660–1753), врачом, коллекционером, главой Лондонского Королевского общества, коллекции, подаренной им английскому народу.

В первой половине XIX в. в Лондоне на Лиденхолл стрит существовал также частный музей Британской Ост-Индской компании, в котором были представлены изделия из текстиля, слоновой кости, керамики, стекла, дерева, камня, металла. Там хранились различные предметы мебели, курительные трубки — кальяны, *чхатри* — зонты от солнца, которые в Южной Азии считались символами власти правителя или духовного лица. К числу этнографических экспонатов музея Ост-Индской компании относились гравюры, выполненные по рисункам индийских и европейских (преимущественно, но не только английских) художников и представлявшие индийцев разных этнических и профессиональных (кастовых) групп. К этим коллекциям примыкали рисунки, иллюстрирующие обычаи, традиции и наряды индусов и индийских мусульман, изображения религиозных празднеств и церемоний [Кроллау, Котин 2013: 78].

После подавления Сипайского восстания в Индии, называемого англичанами «Мятежом» (The Mutiny), и передачи в 1858 г. управления Индией от частной английской Ост-Индской компании британской короне Индийский музей был закрыт, а коллекции переданы особому министерству по делам Индии. Министерство организовало экспонирование части коллекций в ведомственном музее, но значительная часть их была распродана, а самые ценные экспонаты были позднее переданы лондонскому Музею Виктории и Альберта. Часть распроданных коллекций ушла в Европу и США, но Лондон до настоящего времени

обладает крупнейшим собранием произведений индийского искусства за пределами южноазиатского субконтинента.

Лондонский Музей Виктории и Альберта, ранее известный как Южнокенсингтонский музей, — наследник не только Индийского музея Ост-Индской компании, но и промышленных выставок — популярного явления второй половины XIX в., зародившегося в Англии под влиянием супруга королевы Виктории принца Альберта. Эти выставки показали все богатство промышленного и даже в большей степени ремесленного производства в Индии. «Великая выставка промышленных (ремесленных) произведений всех народов» принимала посетителей с 1 мая по 15 октября 1851 г. в Лондоне. В ее индийских павильонах были выставлены роскошные тканые ковры и шали из Кашмира и Бенареса (Варанаси), богато декорированные седла, изделия из золотой и серебряной филигрании, эмали, резные изделия из камня, слоновой кости и дерева, оружие, доспехи, пушки, драгоценные камни. Среди выставленных на ней драгоценностей были и знаменитые бриллианты «Дарья-и-нур», «Река света», из сокровищницы в Лахоре и «Кох-и-нур», «Гора света», принадлежавший последнему индийскому махарадже Далип Сингху и «подаренный» им королеве Виктории. Другим экзотическим экспонатом был трон из слоновой кости — подношение раджи Траванкора своему сюзерену — английской королеве. Там же находились такие экзотические вещи, как *чхатри* — богато украшенные зонты — символы власти, кальяны, серебряный паланкин и расшитая серебром и золотом бархатная попона для слона, а также корона правителя княжества Ауд и парадное облачение раджи княжества Бунди в Раджпутане.

Лондонская «Таймс» от 2 октября 1851 г. писала, что индийская секция была «одной из наиболее полных, великолепных и интересных коллекций в Гайд-парке, поучительная во многих отношениях, достоинство которой нельзя было переоценить» [Desmond 1982: 73].

Индийское оружие стало страстью многих частных коллекционеров. Оно было традиционным подарком чиновнику

Ост-Индской компании и трофеем английского офицера. Неудивительно, что возвращавшиеся из Индии разбогатевшие английские авантюристы, так называемые «набобы» (от перс. «наваб» — правитель), привозили в свои старые или купленные на индийское золото усадьбы коллекции индийского оружия. Сам Роберт Клайв — завоеватель Бенгалии, знаменитый победитель в битве при Плесси, собрал огромную коллекцию индийского оружия, дополненную приобретениями его сына, губернатора Мадраса, которая сейчас хранится в имении потомков Клайва в замке Повис (Powis Castle) [Archer, Powell, Skelton 1987] в Уэльсе и открыта для посещения публикой.

Предметы из Индии, образцы индийского оружия появились и в старейшем музее Великобритании — Лондонском Тауэре. С самого момента основания Тауэр служил арсеналом (а также тюрьмой), куда в XIX в. допускали посетителей, интересовавшихся оружием. Теперь в так называемых «казармах Веллингтона» в лондонском Тауэре (Tower of London) хранится коллекция королевских драгоценностей, в которой немало индийских самоцветов.

При Лондонском миссионерском обществе в 1826 г. был открыт музей, где хранились одежда, оружие, другие артефакты жителей тех мест, включая Индию, где проповедовалось христианство. В Индии англиканская миссионерская деятельность была не слишком успешной. Больше преуспели пресвитериане, методисты и баптисты, работавшие среди членов индийских племен. Большую часть собрания Музея миссионерского общества составляли изображения местных божеств, трактовавшиеся как «идолы», которым перестали поклоняться «разуверившиеся в их могуществе обращенные в христианство туземцы». С 1826 г. музей был открыт для посещения один раз в неделю, а через двадцать лет публика допускалась к коллекциям, количество дней для посещения увеличилось до трех в неделю, причем вход стал бесплатным [Кроллау, Котин 2013: 78].

Как видим, колониальная метрополия, обладавшая военными, административными и финансовыми преимуществами на

территории Южной Азии, обрела лучшие индийские коллекции, хранящиеся в крупнейших британских музеях, а также в частных коллекциях. Но кое-что попадало и в Санкт-Петербург. Интерес к Индии в России существовал издавна.

Возможно, индийские предметы имелись и в составе буддийских собраний Императорской академии наук (далее — ИАН). Это неудивительно, ведь в состав Российской империи входили населенные буддистами Бурятия и Калмыкия. Необходимость развития буддологии как направления научных исследований оказалось одним из основополагающих аргументов при рассмотрении вопроса об учреждении при Императорской академии наук *«Музея по антропологии и этнографии преимущественно России»*. В проекте записки-обоснования 1878 г. прямо утверждается, что *«упомянутые выше влияния Китая, а равно и на наших южно- и восточно-сибирских инородцев в особенности сказываются в религиозном отношении, в их буддийско-ламайском вероисповедании. Предметы и принадлежности этого богослужения имеют, поэтому, особое значение и для изучения многих из наших инородцев, и, согласно с тем, им отведено немаловажное место и в нашем Музее. Коллекции, составленные по этой части еще Палласом и другими путешественниками прошедшего столетия были много пополнены вследствие состоявшейся в прошедшем году, по Высочайшему повелению, передачи в Этнографический Музей предметов этого рода из Эрмитажа, а в последнее время еще значительно обогатились вследствие приобретения для Музея, по Высочайшему повелению, коллекции буддийских предметов, вывезенной князем Ухтомским из Забайкальской области, из Монголии и из Китая»* [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 31–32].

До конца XIX в., однако, все еще не были выработаны научные принципы показа коллекций «культурных стран Азии». Все еще был принят обычай экспонирования «чудес и редкостей», и индийские артефакты демонстрировались в МАЭ вместе с предметами из других регионов Азии. Возможно, поэтому первоначально внимание привлекли только две ступки гоанской работы из

слоновой кости, выполненные в индо-португальском стиле, и резной ящик XVIII в. Только они и были названы предметами индийскими [Музей антропологии и этнографии 1907: 87].

Как известно, значительные перемены в музее начались лишь с 1894 г. Тогда на должность директора 15 марта 1894 г. был избран В.В. Радлов. Именно он занялся радикальной реорганизацией всех сторон жизни музея. Много, действительно, требовалось изменить. Музей был выведен из ведения Физико-математического отделения ИАН в переведен в ведение Историко-филологического отделения.

В МАЭ целенаправленно создавался буддийский отдел, но регулярный приток экспонатов туда начался с 1897 г., в основном из Центральной и Восточной Азии (фрески и другие образцы древнего буддийского искусства). С экспонатами много работал академик С.Ф. Ольденбург.

Особенно интенсивно и систематически росли восточно-азиатский и европейский отделы МАЭ. К 70-летию академика В.В. Радлова, на тот момент директора МАЭ, сотрудники музея дают высокую оценку его достижений на этом посту. Авторы публикации пишут о произошедших благодаря энтузиазму Радлова изменениях в музее: «Нечто совсем другое мы видим в отделах индийском и индокитайском. Благодаря энергии В.В. Радлова эти отделы, насчитывавшие ранее по 1–20 предметов (две ступки из слоновых клыков и резной ящик), приняли характер систематических коллекций. Государем Николаем II были пожертвованы сиамские вещи (предметы роскоши), д-р Ягор из Берлина подарил богатую коллекцию из Индии, лейпцигский профессор Ганс Мейер поднес Музею богатейшую (до 400 пр.) коллекцию индокитайских одежд, с Международной рыболовной выставки поступила коллекция сиамских рыболовных принадлежностей, от А.Н. Казнакова, барона Сталь фон-Гольштейна¹

---

¹ Барон Сталь-фон-Гольштейн Александр Августович (1877–1937) — представитель знатного немецкого баронского рода, санскритолог, синолог, ассистент-профессор Санкт-Петербургского университета,

и русского консула Некрасова в Бомбее поступили, наконец, коллекции по брахманизму. В последнее время есть надежда и на приобретение большой коллекции с Цейлона, Сиам, Китая и Японии, собранной Н.И. Воробьевым, — таким образом, и маленький цейлонский отдел, едва намеченный в Музее и являющийся в зародыше (коллекция от братьев Хате [Хэйт]², купленная с Костюмной выставки в 1907 г.), будем надеяться, разовьется и представит нам один из интереснейших в этнографическом отношении уголков мира. Оба отдела — Индийский вместе с Цейлоном и Индо-Китаем, связывающий азиатский культурный пояс с полукультурной Индонезией, в настоящее время насчитывает примерно до 1 тыс. предметов» [Музей антропологии и этнографии 1907: 87–88].

Итак, в 1907 г. среди собраний МАЭ упомянуты поступления индийских предметов от барона Сталь-фон-Гольштейна. Тем не менее в отчетах МАЭ этого периода об индийских коллекциях не упоминается. В 1907 г. Индия включена в один раздел с Китаем, Японией, Кореей и Индокитаем, но никаких конкретных фактов об особо выдающихся индийских вещах не приведено. Хотя о южноазиатских коллекциях в официальных публикациях МАЭ в те годы специально не писали, в сводной таблице № 5 значится, что на 1913 г. в отделе Индии, Цейлона, Сиам и Бирмы числи-

---

с 1917 г. жил в Китае, где основал Сино-Индийский университет, преподавал санскрит и историю индийских религий.

² Врач Экнат Харричандруджи Хате (1854 г.р.) и его двоюродный брат ботаник Винаяк Нанабхай Хате прислали коллекцию на Международную рыбопромышленную выставку в Санкт-Петербурге (1902), экспонаты были удостоены высшей награды — Почетного диплома. В 1903 г. часть экспонатов была отправлена на Международную выставку гидробиологии, рыбоводства и рыболовства в Москве (1903, награда — золотая медаль), костюмы бомбейских рыбаков и рыбачек экспонировались на Международной костюмной выставке в Санкт-Петербурге (1903, награда — диплом первой степени). Купленная для МАЭ коллекция была первым даром музею от индийцев [Русско-индийские отношения 1999: 110–113].

лось 39 коллекций и 1702 предметов (причем 1225 предметов были получены в дар, 472 куплены), и все они были зарегистрированы (кроме одного предмета), а до 1889 г. было известно всего о двух коллекциях из вышеуказанного региона, состоящих из пяти предметов (четыре поступили из Кунсткамеры, один получен в дар). Для сравнения скажем, что всего за 25 лет в МАЭ поступило 130 698 предметов [Императорская Академия наук 1917: 297, 292–292].

Заметим, что в описываемый нами период и ранее активизировался практический интерес российских востоковедов к Индии [Краснодембская, Соболева 2012: 203–232]. В частности, целая плеяда специалистов собирала оригиналы или заказывала копии рукописей на восточных языках. Эти сборы составили основу специализированных отделов в Азиатском музее ИАН, Публичной и университетской библиотеках и др. Индийские коллекции имелись в Императорском Эрмитаже и Музее Штиглица³.

Дирекция МАЭ стремилась наладить контакты с индийскими научными учреждениями. Устройством библиотеки МАЭ занималась Екатерина Михайловна Романова (1853–1926), поступившая в 1902 г. на службу в МАЭ безвозмездно. В 1902 г. библиотека МАЭ состояла из 30 книг, но стала быстро расти благодаря дарам директора музея (из личного собрания В.В. Радлова) и начавшемуся обмену изданиями с русскими и иностранными учеными учреждениями и музеями. С 1905 г. МАЭ на свои средства стал выписывать иностранные журналы и книги. В конце 1906 г. учреждения Императорской академии наук получили право непосредственного обмена с заграничными книгохранилищами. В 1909 г. было выделено помещение для библиотеки в МАЭ, приглашена помощница библиотекаря. В 1913 г. в библиотеке имелось более 4 тыс. томов, МАЭ обменивался изданиями с 42 учеными учреждениями в Европейской России

---

³ О судьбе Музея Штиглица и происхождении его индийской коллекции, позднее попавшей в Государственный Эрмитаж и переданной в МАЭ в 1920-е годы, см.: [Васильков 2017: 92–101].

и Сибири и с 35 музеями и учеными учреждениями Европы, Азии, Америки и Австралии.

В 1906 г. в МАЭ поступили индийские и другие восточные коллекции императора Николая II. Коллекция № 309 богата образцами оружия — это дары императора Николая II, оружие, приобретенное им или полученное в дар во время путешествия по Востоку в 1890–1891 гг., когда он был еще наследником российского престола.

Маршрут путешествия цесаревича Николая Александровича по Индии был следующий: Элефанта — Бомбей (25.12.1890) — Нандгаон — Рауза/Эллора (26.12.1890) — Аурангабад (27.12.1890) — Даулатабад (27.12.1890) — Бомбей (31.12.1890) — Барода (1.01.1890) — Аджмир (Аджмер) (2.01.1891) — Джодхпур (3.01.1891) — Джайпур (7.1.1891) — Дели (9/11.01.1891), Лахор (13.01.1891) — Матхура (16.01.1891) — Агра (17.01.1891) — Гвалиор (19.01.1891) — Канпур (22.01.1891) — Лакхнау (22.01.1891) — Бенарес (Варанаси, конец января 1891) — Калькутта — Джабалпур — Бомбей — Пуна — Тричинополи — Шрирангапатнам (9.02.1891) — Мадур (Мадураи) (10.02.1891)⁴. Во многих пунктах, где останавливался цесаревич, устраивались импровизированные приемы, на которых наследник получал дары, он также посещал сам восточные базары или отправлял туда за покупками членов своей свиты

О больших *дарбарах* (приемах) на пути следования цесаревича, на которых устраивали торговлю диковинным оружием и платьем, мы узнаем из роскошно изданного в Лейпциге трехтомного путешествия, написанного сопровождавшим цесаревича князем Э.Э. Ухтомским [Ухтомский 1893, I: 124; II: 17–77]. Из карандашных записей на страницах путеводителя по Агре, сделанных рукой Э.Э. Ухтомского, мы знаем, что в Агре британская администрация организовала грандиозный *дарбар* в честь высокого российского гостя. Наследник престола и его спутники покупали диковинные клинки, щиты, секиры, получали их в дар

---

⁴ Подробнее см.: [Котин 2014: 98–116].

от местных правителей. Среди покупок и даров — как старинные предметы, так и сувениры, созданные с учетом вкусов нередких гостей Индии — британских и других европейских путешественников.

Среди даров цесаревичу и его покупок есть диковинные, экзотические предметы, такие, например, как две церемониальные палицы из желтого металла с наверху в виде голов слонов, в настоящее время хранящиеся в фондах МАЭ.

Со второй половины XIX в. интерес к экспонатам из Индии, вызванный выставками в Лондоне и Париже, побудил музеи и частные коллекции Европы обратиться к собирательству в Индии. Для нас особенно интересен опыт германских музеев, тесные контакты с которыми поддерживала дирекция МАЭ в предвоенный период и в которые был направлен на стажировку в 1913 г. Густав Герман Христиан (Герман Христианович) Мерварт, участник будущей экспедиции МАЭ на Цейлон и в Индию (1914–1918 гг.). Это прежде всего этнографические музеи Берлина и Мюнхена, сумевшие собрать значительные коллекции по Индии. Понятие «Indien» в тот период охватывало Индийский субконтинент, а «Hinterindien» — Юго-Восточную Азию, Индонезию и Центральную Азию (как регион распространения древней индийской культуры).

В 1904 г. был создан Индийский отдел берлинского Музея народоведения (Museum für Völkerkunde), руководителем которого стал археолог и художник Альберт Грюнведель (Albert Grünwedel, 1876–1935). Грюнведель возглавлял Индийский отдел вплоть до своего выхода на пенсию в 1921 г. Ему удалось пополнить этнографический отдел этого музея столь многочисленными и разнообразными коллекциями, что они впоследствии легли в основу нескольких специализированных музеев. При этом «индийскими» в тот период считались почти все буддийские экспонаты, в том числе восточноазиатские. А. Грюнведель, владевший русским языком, активно сотрудничал с российскими академическими учреждениями. В 1889 г. директор МАЭ академик В.В. Радлов пригласил А. Грюнведеля участвовать в археологической

экспедиции в Восточный Туркестан, где Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении под руководством академика С.Ф. Ольденбурга проводил последовательное обследование древних памятников. В 1902–1914 гг. четыре немецкие экспедиции под руководством А. фон ЛеКока и А. Грюнведеля также провели в этом регионе собственные археологические изыскания [Соболева 2014: 77–87]. Именно к Грюнведелю отправляется Г.Х. Мерварт в 1913 г. в преддверии экспедиции в Индию для консультаций и подготовки к собирательской деятельности. Это неудивительно, ведь А. Грюнведель представлял один из старейших этнографических музеев Европы.

Берлинский Музей народоведения был создан в 1873 г. Среди других коллекций он хранил дары принца Вольдемара Прусского, совершившего в 1852 г. путешествие на Цейлон, в Бенгалию, Непал и Северную Индию, а также коллекции Федора Ягора, собранные в 1873–1876 гг. в Индии, Бирме, на Цейлоне и Андаманских островах, коллекции Эмиля Рибека (1881–1882), посетившего Цейлон, Индию, Ассам, Бирму.

После 1900 г. музеи Германии решились на показ индийских коллекций. Возглавлявший этнографический отдел одного из крупнейших столичных музеев А. Грюнведель создал основополагающие труды на немецком языке по истории буддизма в Индии (первый систематический научный очерк истории развития буддийского искусства в Индии — «Буддийское искусство Индии» / *Buddistische Kunst in Indien*. Berlin, 1903, 1906; *Buddhist Art in India*. London, 1901, и Тибете — «Буддийская мифология Монголии и Тибета» / *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*. Leipzig, 1900), индийской и тибетской иконографии и мифологии, археологии Центральной Азии, которые положили начало систематическому изучению буддийского, а затем и индийского искусства в Германии. Под его руководством была создана индийская экспозиция в Берлинском музее народоведения. Отчет о его экспедиции в Восточный Туркестан дал материал для знакомства с любопытным культурным узлом, в который вклю-

чены персидская, индийская, китайская, тюркская культуры. Неудивительно, что «директор Азиатского отделения Этнологического отделения Музея в Берлине, профессор, д-р философии» А. Грюнведель был избран в члены-корреспонденты Историко-филологического отделения ИАН «по разряду восточной словесности» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1908. Ед. хр. 155. Л. 422].

Не отставал от берлинского и старейший германский музей народоведения — мюнхенский, основанный в 1862 г. Период его расцвета начинается с прихода в 1907 г. на пост директора Этнографического собрания Мюнхена Люциана Милиуса Шермана (Lucian Scherman, 1864–1946), профессионального индолога и санскритолога. В 1910–1911 гг. Люциан и Кристина Шерманы совершили исследовательскую поездку на остров Цейлон, в Бирму и Индию. Шерманы посетили остров Цейлон, Мадрас, горы Нилгири, наблюдали жизнь племен тода, кота, бадага. Более семи месяцев они провели в Бирме. В августе 1911 г. Шерманы прибыли в Калькутту, оттуда направились в Дарджилинг, Ассам, Бенарес, Аллахабад, Гвалиор, Санчи, Лакхнау, Агру, Матхуру, Дели, Лахор, Равалпинди, Пешавар, Джайпур, Бомбей [Weigelt 2003]. Шерман и его супруга привезли в Мюнхен три тысячи предметов, две тысячи стеклянных фотопластинок и негативов, 42 фильма, восковые валики звукозаписей [Соболева 2014г]. Мюнхенский музей также принял в 1913 г. Г.Х. Мерварта, направленного Императорской академией наук из Санкт-Петербурга для изучения коллекций музея перед экспедицией на Цейлон и в Индию.

1.2. МАЭ как центр экспедиционных исследований

Постановлением Министерства народного просвещения № 4224 «О преобразованиях в Музеях Императорской Академии наук» было решено 14 апреля 1879 г. учредить «Музей антропологии и этнографии преимущественно России» из коллекций двух существовавших до этого времени при академии музеев — Этнографического и Анатомического, Государственный Совет утвердил это решение 12 мая 1879 г. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 10, 14], а в декабре 1902 г. музей получил имя своего

основателя и стал называться «Музей антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1903. Ед. хр. 150. Л. 253].

С 1895 г. место директора музея занимал яркий представитель российской этнографической науки академик Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов (1837–1918). Именно он занялся радикальной реорганизацией всех сторон жизни музея. В МАЭ действительно многое требовалось изменить. Штат сотрудников был минимален — всего трое (директор, ученый хранитель и служитель музея). Площадей для хранения и экспонирования коллекций катастрофически не хватало. Сам В.В. Радлов, готовясь к новой должности, так оценил положение в музее: *«Осмотрев ныне подробно вверенный моему управлению Музей по Антропологии и Этнографии, я убедился в чрезвычайном богатстве собранных в нем коллекций. Кто знает затруднительное положение, в котором находится этот Музей, не располагающий достаточным местом для выставления предметов и даже для подготовительных работ и не имеющий в своем распоряжении необходимых денежных средств, может только удивляться, как заботами прежних директоров удалось собрать такое множество драгоценных предметов»* [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Ед. хр. 24. Л. 2].

Радлов горячо радел об усовершенствованиях в музее. Он считал, что к XX в. музейное дело и этнографическая наука в России должны быть поставлены на новый научный и технический уровень. В ряду многих неотложных дел по переустройству музея он вынашивал, в частности, грандиозные планы по организации комплексных и длительных экспедиций в различные концы мира. Все было чрезвычайно непросто: изыскать средства на переустройство музея и приобретение новых коллекций, добиться увеличения штата и новых помещений, подобрать необходимых сотрудников. При этом деятельность велась во всех направлениях сразу и затрагивала многие регионы мира и районы самой России [Музей антропологии и этнографии 1907]. Особое внимание предполагалось уделить Индии.

Индией серьезно интересовался сам основатель музея царь Петр I. Он придавал важнейшее значение отношениям России с Индией. Еще на рубеже XVIII в. он мечтал о прямых путях в Индию, думал даже осуществить такой путь через Северный Ледовитый океан. Он передал музею собранные им самим и полученные в дар (есть сведения, что подарки Петру посылал и император Аурангзеб) индийские раритеты. В его личных коллекциях, которые легли в основу собраний созданной им в 1714 г. Кунсткамеры, были и индийские предметы. В первых каталогах музея упоминались сосуды, украшения, оружие — индийские изделия из металла, рога, слоновой кости, раковин, скорлупы кокосовых орехов. В музейных документах существуют и упоминания о ранней коллекции индийских монет. К сожалению, большая часть ранних коллекций музея погибла при пожаре 1747 г. К концу XIX в. трудами разных людей были собраны интересные материалы по Индии, но эти коллекции являлись в основном случайными, хотя пополнение их велось по возможности разными способами.

В 1893 г. МАЭ приобрел буддийскую коллекцию основателя русской индологической школы И.П. Минаева (1840–1890) у его племянниц В.П. и А.П. Шнейдер — 274 экспоната (в основном из Непала, что было тогда особой редкостью). Эти предметы были собраны Иваном Павловичем в его поездках по Индии, Цейлону и Непалу в последней четверти XIX в. В составе коллекции № 226 имеются бронзовые бурханы, иконы на холсте, другие культовые предметы, ритуальная утварь. Это были первые южноазиатские приобретения музея. И.П. Минаев — известный буддолог, знаток древних индийских языков, блестящий филолог, он также может считаться родоначальником этнографической индологии в России. Именно Минаев призывал изучать, кроме классической индийской древности, как он выразался, «живую Индию», т.е. реально существующий уклад жизни, живые языки, фольклор. И сам он в своих трудах сделал первые шаги в этом направлении [Минаев 1878].

Как уже отмечалось, значительное собрание индийских предметов поступило в МАЭ от императора Николая II. Эти предме-

ты, приобретенные или полученные цесаревичем в дар в 1890–1891 г., во время его путешествия по Востоку, составляют три коллекции — № 308, 309 и 312 (всего около 250 единиц хранения). Здесь наличествуют предметы культа, быта, художественные ремесленные изделия из мрамора, серебра, бронзы, слоновой кости, черного дерева, образцы тканей, вышивки, модели типов населения, а также великолепные образцы традиционного оружия (кинжалы-катары, палицы, ритуальные мечи), старинный шлем.

Благодаря усилиям В.В. Радлова уже в 1895 г. в МАЭ через Берлинский музей народоведения поступила в дар коллекция собирателя Ф. Ягора (№ 293), содержащая индийские предметы культа и бытовые вещи (одежду, ткани, украшения, а также оружие [Соболева 2016]) — свыше 100 предметов, а в начале 1900 г. берлинский Музей народоведения предложил МАЭ по обмену ряд коллекций из дублетов, и тогда индийский фонд пополнили две коллекции (того же собирателя): № 604 (украшения из Северо-Западной, Восточной и Южной Индии) и № 609 (керамика из Цейлона), всего около 100 предметов. Эти коллекции были изучены Мервартами перед их поездкой. При подготовке экспедиции Мерварты учли также советы видного русского буддолога С.Ф. Ольденбурга.

Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) сыграл важную роль в развитии индологического направления российской этнографии. Известный востоковед, санскритолог и знаток буддизма, он преподавал на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, а также являлся председателем этнографического отделения Императорского Русского географического общества, с 1903 г. — экстраординарный (с 1908 г. — ординарный) академик. С.Ф. Ольденбург руководил изучением и каталогизацией буддийских коллекций, участвовал в выставлении и описании в «Путеводителе» по МАЭ отдела буддизма, а в 1916 г. С.Ф. Ольденбург стал директором Азиатского музея [Императорская Академия наук 1917]. В 1904–1929 гг. был непременно секретарем Академии наук.

Соратником и помощником В.В. Радлова в МАЭ с 1902 г. стал Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927). И у них было немало единомышленников, которые считали, что задачей МАЭ должно стать не случайное собирательство, а планомерные и систематические этнографические изыскания и экспедиционные сборы. Экспозиции музея они хотели сделать подлинным научным пособием по изучению материальной и духовной культуры народов всего мира.

Двадцать первого декабря 1902 г. Музей по антропологии и этнографии Императорской Академии наук переименован в Музей антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1903. Ед. хр. 150. Л. 253]. Обретение нового — повышенного — статуса позитивно отразилось на развитии музея, привлекло к нему внимание царственных покровителей и спонсоров из числа успешных промышленников.

С 1901 г. начал издаваться «Сборник МАЭ», в котором публиковались материалы по изучению коллекций и разным аспектам этнографии, археологии и антропологии. С 1906 г. в МАЭ стали выходить ежегодные печатные отчеты о его деятельности. В них бережно отмечается каждый новый успех, каждое новое приобретение. Среди вновь привлеченных сотрудников музея — этнографы, антропологи, археологи, востоковеды. С каждым годом увеличивается поступление коллекций. Так, за 1908 г. их появилось в два раза больше, чем за предыдущий год. Совершенствуется система учета и хранения. МАЭ налаживает связи и обмен с зарубежными музеями. Постепенно разворачивается организация этнографических командировок и экспедиций: в дальние края России, в Маньчжурию, Корею, Южную Америку, в Африку.

По замыслу В.В. Радлова и его соратников в музее должны были создать специальную индийскую экспозицию и посвятить ей особый зал [Краснодембская, Соболева 2009]. Поскольку в Индии ранее побывал наследник престола великий князь Николай Александрович, на тот момент — император всероссийский, у Радлова возникла идея сделать зал именованным — имени императора Николая II.

Первые коллекции по Индии в МАЭ уже были. К ним добавились дары и купленные по заданию Академии наук экспонаты, привезенные Михаилом Степановичем Андреевым (1873–1948), видным историком, этнографом, востоковедом, с 1905 по 1914 г. находившимся в Индии на дипломатической работе, которую он сочетал как с разведывательной деятельностью, так и с этнографической работой [Краснодембская, Соболева 2014].

Весной 1913 г. был выделен отдел Индии и для руководства им приглашен Г.Х. Мерварт, историк, филолог, впоследствии — санскритолог и знаток некоторых живых языков Индии (в частности, тамильского). О пополнении «индийского отдела» заботились все устроители обновляющегося музея: индийские предметы покупали и преподносили в дар музею сам В.В. Радлов, академик С.Ф. Ольденбург, сотрудники МАЭ Н.И. Воробьев, А.И. Иванов. Но собранные коллекции представляли быт и культуру народов индийского субконтинента неполно, отрывочно и часто односторонне. Их было недостаточно для создания современной по методике экспонирования и научному замыслу экспозиции, посвященной этнографии индийских народов [Краснодембская, Соболева 2012].

Поэтому велись упорные размышления о создании особой индийской экспозиции. В ней собирались представить сельский и городской быт, предметы материальной культуры, изделия ремесел, культовые предметы, образцы различных народных искусств. Для решения новых задач была задумана специальная этнографическая экспедиция в Индию и на Цейлон (ныне Шри Ланка), первая и поныне единственная по своей основательности в истории нашей науки. Члены экспедиции должны были, кроме сбора коллекций, вести активную и разнообразную полевую работу: познакомиться с населением разных районов Индии, изучать их языки и культуру [Краснодембская 2009].

Можно было бы ожидать, что для осуществления подобных мероприятий было достаточно просветительских идей В.В. Радлова и энтузиазма его и его помощников. В научной среде долгое время по умолчанию считалось, что финансирование новых

проектов, в том числе экспедиции в Индию, осуществлялась Императорской академией наук. Однако более внимательное и подробное изучение архивных материалов открыло много новых интересных подробностей как в отношении идей, которые лежали в основе бурной музейной жизни на стыке двух веков и их материальной поддержки, так и в отношении организации самих научных и практических деяний.

Для организации и финансирования этнографических экспедиций в 1909 г. по инициативе В.В. Радлова с разрешения Государственного совета был создан Попечительный совет при Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого (первое заседание совета состоялось 21 апреля 1909 г.).

К концу 1913 г. личный состав Попечительского совета выглядел следующим образом: почетный председатель — Его Императорское Высочество князь Александр Георгиевич Романовский герцог Лейхтенбергский (1881–1942); председатель — директор МАЭ академик Василий Васильевич Радлов (1837–1928); представитель ученого персонала — старший этнограф МАЭ Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927); почетные члены — директор-распорядитель Калининского пивоваренного товарищества, директор Невского стеаринового товарищества, директор Товарищества русских паровых маслобоен инженер-технолог Феликс Юльевич фон Шотлендер (1851–1914) [Соболева 2009]; генерал-адъютант, генерал от кавалерии, состоящий при Особе Его Императорского Величества барон Феофил Егорович Мейендорф (1838–1919); действительный статский советник приват-доцент Петербургского университета Владимир Владимирович Святловский (1869–1927) [Соболева 2014б]; профессор Герман Мейер (Herrmann August Heinrich Meyer, 1869–1932) из Лейпцига (Германия) [Соболева 2011]; коммерции советник владелец словолитни в Санкт-Петербурге, товарищ председателя совета Общества взаимного кредита печатного дела в Петербурге Иосиф Иосифович Леман (1866–?) [Соболева 2013а]; действительный статский советник санкт-петербургский 1-й гильдии купец Эмануил Людвигович Нобель (1859–1932) [Соболева 2012]; причисленный к Государственной

канцелярии дворянин Борис Александрович Игнатъев. Последними вошли в состав Попечительного совета текстильный фабрикант Карл Карлович Шейблер (с 22.02.1914), британский подданный председатель правления Товарищества машиностроительного завода «Феникс» Джон Мюргод (с 1915 г.) [Соболева 2014в], барон Анатолий Павлович фон дер Остен-Дризен (1872–1932) (с 1916 г.) [Соболева 2013б]. Из депозита совета были выделены средства на приобретение новых коллекций, командировки лиц персонала МАЭ, пополнение инвентаря и другие хозяйственно-административные расходы, покупку и переплеты книг, изготовление альбомов музея для поднесения Высочайшим особам, добавочные расходы по регистрации, составлению каталогов, награды служащим, почтовые расходы и рассылки [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1912. Ед. хр. 161. Л. 402 об.].

Совет немало способствовал расширению сферы деятельности МАЭ, пополнению его коллекций, развертыванию экспозиционно-выставочной и издательской деятельности. Впрочем, этот аспект истории МАЭ пока недостаточно исследован. С помощью Попечительного совета, в частности (а именно на средства предпринимателя Ф.Ю. Шотлендера), в том же 1909 г. была создана галерея Петра Великого в МАЭ. Для ее устройства были выявлены и соединены все коллекции и предметы научного характера, имеющие отношение к Петру I, но до того времени хранившиеся в различных музеях и учреждениях. А для размещения данной экспозиции надстроен третий этаж в музее [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1910. Ед. хр. 8. Л. 15].

К организации этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию был привлечен *«Почетный Член Попечительного Совета Музея, Губернский Секретарь Борис Александрович Игнатъев»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918. Ед. хр. 66. Л. 406]. Б.А. Игнатъев, чиновник Государственной канцелярии, член Императорского автомобильного клуба, проживал в Санкт-Петербурге по адресу Фурштатская улица, 60. Этот высокопоставленный чиновник в дальнейшем предполагал и сам на определенном этапе присоединиться к экспедиции МАЭ в Индии.

На заседании Историко-филологического отделения ИАН № 8 28 мая 1914 г. было рассмотрено предложение В.В. Радлова: «Почетный Член Попечительного Совета Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого, причисленный к Канцелярии Государственного Совета Борис Александрович Игнатъев, снарядивший для Музея на свои средства экспедицию в Индию, о которой своевременно мною было доложено Академии, выразил желание на свой счет поехать на некоторое время в Индию, чтобы принять посильное участие в работе экспедиции, а затем отправиться в Японию и Северную Америку для ознакомления с местными музеями и при случае приобрести этнографические предметы для Музея. Считая эту поездку г. Игнатъева весьма полезной для интересов Музея, прошу Отделение командировать г. Игнатъева в упомянутые страны и вместе с тем возбудить ходатайство перед Государственным секретарем о разрешении ему отпуска на время командировки» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 441]. ИАН выдала 4/16 июня 1914 г. ему Открытый лист: «Почетный Член Попечительного Совета Музея, Губернский Секретарь Борис Александрович Игнатъев командировается в Индию, Японию и Северную Америку для обозрения музеев и собирания этнографических предметов» [Там же. Л. 421]. Однако 10 сентября 1914 г. Канцелярия МИД отказалась выдать дипломатический паспорт «Б.А. Игнатъеву, отправляющемуся в экспедицию в Северную Америку, Японию» на том основании, что эта поездка осуществлялась не по Высочайшему повелению (IV.280) [Там же. Л. 444 об.]. Действительно, началась Первая мировая война, и Игнатъеву предстояло вскоре выполнять императорские поручения, связанные с деятельностью российской армии.

Участвовал в финансировании подготовки экспедиции и «король лодзенского хлопка» Карл Карлович Шейблер, директор-распорядитель АПО Бумажных мануфактур Карла Шейблера в Лодзи, товарищ представителя Правления Коммерческого банка в Лодзи, представитель Правления Горнозаводского общества «Сатурн» близ Сосновиц Петраковской губернии, член Правле-

ния Лодзинских электрических подводных дорог, член правлений Общества русских томасофосфатных заводов и общества «Густав Сиверс» в Санкт-Петербурге [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914. Ед. хр. 74. Л. 21 об.]. Он был напрямую заинтересован в продвижении российской текстильной продукции на индийский рынок.

Российское Генеральное консульство в Индии вело успешную деятельность в экономической сфере в период с 1907 по 1917 г., активно способствовало развитию русско-индийских торговых отношений. В сентябре 1908 г. российский генеральный консул в Бомбее А.А. Гейкинг в своем донесении пишет, что за последнее время в консульство «стали обращаться разные индийские фирмы с просьбой дать им адреса русских фирм, к которым они могли бы обращаться для заказов на сахар, растительное масло, золотую парчу и нить, бумажную мануфактуру, фарфор и фаянс, машины» [Русско-индийские отношения 1997: 286]. Он просил Департамент торговли составить список промышленных предприятий, которым могли бы воспользоваться индийские предприниматели. А для ознакомления индийского населения с изделиями русской мануфактуры Гейкинг хотел учредить музей при Генеральном консульстве в Бомбее, экспонаты для которого собирались по всей России: московская фирма Кузнецова предоставила большую коллекцию фарфора, ожидалось экспонаты от ситцевой мануфактуры К.К. Шейблера, Э. Цинделя и других известных российских предпринимателей [Русско-индийские отношения 1999: 287]. В 1910 г. вел свою исследовательскую деятельность в Индии известный индолог Ф.И. Щербатской [Там же: 251–280]. С «экспедиционными целями» туда отправилась даже группа студентов Психоневрологического института [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 65. Л. 68].

Кроме того, В.В. Радлов сумел привлечь к исполнению своих грандиозных замыслов по расширению и усовершенствованию музея внимание царствующей фамилии. Упомянутое уже собрание из 250 индийских предметов, привезенных Николаем II в бытность его цесаревичем, решено было сделать главной базой

для создания в МАЭ специального индийского отдела. Более того, именно от В.В. Радлова поступило предложение *«наименовать залы Отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества, залами Его Императорского Величества Николая II»*. Почетный председатель Попечительного совета Его Императорское Высочество князь Александр Георгиевич Романовский герцог Лейхтенбергский обратился к Историко-филологическому отделению ИАН 29 января 1914 г. с рядом конкретных предложений, в том числе о переводе «Галереи Петра Великого» в переустроенное здание бывшей Кунсткамеры, а также *«о наименовании отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества Государя Императора, залами Его Императорского Величества Императора Николая II»* [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 20]. МАЭ в марте 1914 г. удостоил своего посещения и сам император. В.В. Радлов сообщал в Академию наук: *«Имею честь доложить Отделению, что 5-го числа сего марта Его Императорское Величество Государь Император осчастливил Музей своим посещением»*. Николай II *«одобрил проект реставрации и переустройства бывшего здания Кунсткамеры, предназначавшегося для упомянутого Музея, а также помещения в этом здании Галереи Императора Петра I»* не позднее 1917 г. и разрешил *«исходя из ходатайства Директора Музея наименовать залы Отдела Индии, основание которому положено собраниями Его Императорского Величества, залами Его Императорского Величества Николая II»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 323–324]. Во время своего визита, рассматривая галерею Петра Великого как собственность императорской фамилии, царь также предложил для специального надзора за ней создать особую комиссию *«из лиц персонала Музея и чинов Министерства Императорского Двора»* [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914. Ед. хр. 74. Л. 20 об].

Таким образом, последний российский император проявил личную заинтересованность в делах музея. По-видимому, это сыграло немаловажную роль в осуществлении различных музейных проектов, в том числе и в организации индийской экспедиции.

Идея увековечения памяти российских императоров, предложенная Радловым и понравившаяся царю Николаю II, в заметной степени (не будем в настоящий момент обращаться к иным основаниям социально-исторического характера) определила бурный интерес к Индии в этот период. В середине 1900-х годов в Бомбее секретарем российского генерального консула А.А. Половцова работает уже упоминавшийся известный востоковед М.С. Андреев (а в 1911 г. он назначается и. о. российского консула во французских колониях в Индии и в Индокитае). Помимо своих дел дипломата в Индии он активно изучает языки хинди и урду, собирает этнографические коллекции. От собирателя М.С. Андреева в дар и по закупке поступило в МАЭ несколько сот этнографически ценных предметов. Самый известный и самый большой индийский экспонат МАЭ получен в дар от М.С. Андреева: часть резного деревянного дворца маратхского пешвы из г. Насик XVIII в. (из его деталей сложен так называемый «портик», украшающий вход на индийскую экспозицию) [Кудрявцев 1953: 140–146]. Однако в самой экспозиции (а большей частью пока в фондах) присутствуют и многие другие ценнейшие предметы из коллекций М.С. Андреева. Примечательно, что это экспонаты, преимущественно характеризующие культуру и быт народов Южной Индии, т.е. того региона, который был почти совершенно незнаком европейской науке в первой половине XX в. Таким образом, М.С. Андреев оказался в этой области одним из первопроходцев, а собранные им коллекции уникальны.

Коллекция М.С. Андреева МАЭ № 2055 (296 номеров) из г. Пондишери, Южная Индия, была приобретена МАЭ в 1912 г. *«Она состоит 1) из составных частей священной колесницы, на которых вырезаны рельефные изображения индусских богов, демонов, героев, сцены борьбы, стилизованные животные. Материал — дерево (teak⁵); 2) из бронзовых изделий: статуэток богов, предметов жертвоприношения, изображений разных животных,*

---

⁵ Тик (англ.).

посуды, мантрических дощечек, рельефных изображений» [опись МАЭ № 2055]. Г.Х. Мерварт в 1913 г. подробно описал первые 50 предметов, выделил несколько групп индуистских божеств, указал литературу на английском языке. Работу продолжила Л.А. Мерварт в 1920-е годы по возвращении из Индии.

Г.Х. Мерварт разобрал девять коробок (845 предметов) фотографий, сделанных в Южной и Средней Индии Виктором Викторовичем Голубевым (1878–1945). Они были подарены путешественником МАЭ 8 февраля 1914 г., а уже 19 февраля 1914 г. предварительный список этих фотографий был составлен. Г.Х. Мерварт выделил в коллекции МАЭ № 2300 шесть групп изображений священных мест: Санчи (Бхопал)⁶, археологические экспонаты из Мадрасского музея (Amaravati⁷ railing⁸), храмы и пещерные храмы в Mamallapur⁹ (Chingleput District), Южная Индия; Kailasa (Ellora)¹⁰, пещерный храм в Элефанте¹¹ (около Бомбея), пещерные храмы в Ajanta¹² (на Деккане).

---

⁶ Выдающиеся памятники раннебуддийской архитектуры — храмы, ступы, монастыри — в деревне Санчи в штате Мадхья-Прадеш.

⁷ Амаравати — город на юго-востоке Индии, в штате Андхра-Прадеш. Сохранились фрагменты буддийской ступы (III в. до н.э.).

⁸ Ограждение (англ.), балюстрада вокруг ступы, ее главное украшение, имеющее четверо ворот (торана).

⁹ Махабалипурам (Mahabalipuram) — город на Коромандельском берегу в штате Тамилнаду. Памятники монументальной скульптуры и зодчества VII в. н.э., вырубленные в монолитных скалах, входят в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Значительная часть древнего порта Мамаллапурам ныне находится под водой.

¹⁰ Кайласанатха (Kailasanatha) — скальный индуистский храм, центральное сооружение комплекса пещерных храмов в Эллоре, штат Махараштра.

¹¹ Элефанта (Elephanta) — архитектурно-карстовый комплекс в центральной части о-ва Гхарапури в Аравийском море, входит в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

¹² Аджанта — буддийский (преимущественно) храмово-монастырский пещерный комплекс в штате Махараштра, входит в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Это был первый опыт изучения героями нашего повествования индийских собраний МАЭ [Краснодембская 1997]. Полученная информация, несомненно, была учтена при составлении маршрутов путешествия по Южной Азии. Очевидно, богатый визуальный ряд экспозиций Государственного музея в Мадрасе (В.В. Голубев сделал там более 190 снимков) подготовил Мервартов к первому визиту в музеи Индии, где они произвели благоприятное впечатление на специалистов. Мерварты сделали еще 17 фотографий археологической галереи и предметов археологических раскопок Мадрасского музея (джайнские статуи, буддистские и индуистские изваяния в Мадрасском музее — коллекция МАЭ № 3036).

Между тем подготовка к специальной индийской экспедиции МАЭ шла полным ходом, тщательно и целеустремленно. Г.Х. Мерварт, поступивший на службу в МАЭ, изучил весь индийский фонд музея. Затем состоялась его поездка в библиотеки и музеи Германии, консультации с европейскими специалистами-индологами и другими востоковедами. Для выработки программы экспедиции в России была создана особая комиссия, в которую вошли академики В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург, профессор Ф.И. Щербатской, старший этнограф МАЭ Л.Я. Штернберг. Целью экспедиции был комплексный сбор коллекций, которые бы в наибольшей полноте характеризовали культуру и быт различных народов Индии и Цейлона. Для этого предполагалось на месте вести этнографическое наблюдение и изучать индийские языки. Будущая экспозиция должна была показывать сельский и городской быт, материальную культуру, изделия ремесла, культовые предметы, характеризующие религиозные воззрения и верования народов Южной Азии. Многие задачи пришлось потом решать в ходе полевой работы: выбирать наиболее характерные и интересные с точки зрения этнографии объекты изучения, факты и явления, разрабатывать методы этнографических опросов и сбора материалов. На эти темы участники экспедиции, уже находясь в изучаемых странах, вели переписку с коллегами [Краснодембская 2009].

Важно также отметить, что участники экспедиции в своей исследовательской работе в полевых этнографических условиях и при сборе коллекций учитывали европейские индийские собрания и стремились найти и приобрести новые, оригинальные экспонаты. Так, им первым удалось открыть для научного мира такое интересное явление южноиндийской народной культуры, как малаяльский театр *катхакали*. И привезенная ими коллекция костюмов и атрибутов этого театра, хранящаяся в МАЭ и выставленная в экспозиции «Народы Южной Азии», по-настоящему уникальна. Но подробнее скажем об этом позже.

Международное музейное сотрудничество в «радловский период» жизни МАЭ вообще рассматривалось как норма. Именно в это время осуществлялся международный межмузейный обмен экспонатами. В Попечительный совет музея входили известные зарубежные индологи, осуществлялись и дарения МАЭ коллекций от иностранцев. К их числу относился, например, профессор Ганс Мейер (Hans Heinrich Josef Meyer, 1858–1929) из Лейпцига (ему МАЭ, в частности, обязан редкой коллекцией цейлонских масок). Он был избран корреспондентом МАЭ. За щедрые пожертвования и оказанные музею услуги профессор Ганс Мейер был награжден несколькими российскими орденами [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 51. Л. 199–210]. В июле 1914 г. Правление ИАН направило в Департамент общих дел Министерства народного просвещения ходатайство о «*Всемилоостивейшем возведении в русское потомственное дворянство*» К.К. Шейблера [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914. Ед. хр. 74. Л. 21 об.], что было бы достойной наградой этому щедрому спонсору.

Итак, готовились к будущей экспедиции очень обдуманно. В высшей степени компетентная комиссия приложила немалые усилия для подробной разработки ее программы. Участниками экспедиции предстояло стать супругам Мерварт.

1.3. Г.Х. и Л.А. Мерварт: становление ученых

Густав Герман Христиан Мерварт (Gustav Hermann Christian Meerwarth, в России — Герман Христианович) родился 16 октяб-

ря 1884 г. в городе Мангейм, столице земли Баден, а некогда — независимого немецкого княжества. Здесь он позднее поступил в гимназию. С 14 лет давал уроки — помогал родителям. Окончил гимназию Г.Х. Мерварт уже в Гейдельберге, старой столице Бадена, университетском городе, куда был переведен отец. Он поступил на юридический факультет Гейдельбергского университета, но после первого семестра ушел на военную службу вольноопределяющимся на один год. В своем «Жизнеописании»¹³ в 1930 г. он указал, что родом «из бедных крестьян. Отец работал на фабрике как рабочий, а после военной службы получил место городского в г. Мангейме (где я родился), после 23 лет службы — место вахтера в правительственном здании г. Брухзаля» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 294–301 об.]. Демобилизовавшись, Г.Х. Мерварт восстановился в Гейдельбергском университете, но перешел на историко-филологический (философский) факультет, где изучал германистику, государственное право, историю. В 1907 г. он получил степень доктора философии (по истории и языковедению) с отличием [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 8. Л. 35]. Тема его докторской диссертации — «Общественное мнение в Бадене после освободительных войн» [Вигасин 2003: 377].

По окончании университета Г.Х. Мерварт три месяца работал домашним учителем в семье владельца химического завода Кениг в Лейпциге [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 401 об.]. Там он познакомился со студентками из России, о чем позднее вспоминал следующее: «Одна из них живет в Москве, замужем за писателем Волонштейном (Мария Михайловна Фейтельсон).

---

¹³ В архивном уголовном деле Архива УФСБ по СПб. и ЛО хранится составленное А.М. Мервартом «Жизнеописание» (калька нем. «биография»). А.М. Мерварт обвинялся по так называемому «Академическому делу» 1929–1931 гг. В ходе следствия ему пришлось написать несколько вариантов своей биографии, в которых отразились детали и многие малоизвестные эпизоды экспедиции на Цейлон и в Индию (1914–1918), пребывания на Дальнем Востоке (1918–1923), командировки в Германию и Францию (1927) и многое другое.

Она рекомендовала меня своей тете, которая в Петербурге основала школу новых языков (*The Pritchard School of Foreign Languages*) на углу Невского пр. и Надеждинской. Другая — известная певица Эльтур¹⁴ — рекомендовала меня на лето 1908 г. в семью композитора Спендиарова¹⁵ в Ялте, где я в качестве гувернера провел три месяца» [Там же. Л. 294].

Круг интересов молодого доктора наук был, однако, очень широк. Он хотел стать журналистом, и, бесспорно, Россия с ее огромной территорией, загадочным прошлым и, как казалось, перспективным будущим все больше интересовала его. В Россию Г.Х. Мерварта «тянуло желание видеть новый, мало известный мир и расширить таким образом свой кругозор» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 294].

После Ялты контракт окончился. Г.Х. Мерварт сдал экзамены на звание учителя немецкого языка при учебном округе и поступил преподавателем в Санкт-Петербурге на курсы иностранных языков, преподавал немецкий и английский языки там, а также в протехническом училище [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 11]. На курсах Притчард Г.Х. Мерварт прослужил три года, до 1912 г. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 402] Другими иностранцами — сослуживцами по курсам Притчард (впоследствии вернувшейся в Англию) были англичанин Брайт, ирландец Чэттертон-Хилл, француз Левакши, итальянец Нардучи. В России Г.Х. Мерварт не вступал ни в какие немецкие земляческие объединения [Там же. Л. 297 об.]. Он стремился погрузиться в гущу так интересовавшей его российской жизни.

Обладая блестящими способностями к языкам, Г.Х. Мерварт русским языком овладел быстро и уже через год, летом 1909 г., служил переводчиком американскому директору фабрики земле-

---

¹⁴ Исакович (Калантарова) Анна Самойловна, псевдоним Анна Эльтур (1886–1954) — русско-французская певица и музыкальный педагог.

¹⁵ Спендиаров (Спендиарян) Александр Афанасьевич (1871–1928) — российский композитор и дирижер. Дом Спендиарова в Ялте (Екатерининская ул., 3) был центром музыкальной культуры.

дельческих машин «Белор» во время объезда его покупателей, сопровождал его в поездке по Южной России и далее — по Европе до Берлина.

На курсах Г.Х. Мерварт познакомился с Л.А. Левиной.

В документальных материалах архивного фонда Департамента народного просвещения в формулярном списке о службе Густава Германа Христиановича Мерварта имеются следующие сведения: «Родился 16 октября 1884 г., евангелическо-лютеранского вероисповедания»¹⁶.

1911 г. — получил свидетельство на звание учителя гимназии и прогимназии, утвержден в должности преподавателя немецкого языка в мужской гимназии Г.Г. Ягдфельда, Петроград.

1912 — принял присягу на подданство России.

1913 — назначен штатным преподавателем немецкого языка в гимназии Г.Г. Ягдфельда в г. Петрограде.

1914 — перемещен штатным преподавателем немецкого языка в гимназии Наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича.

1914 г. — уволен по прошению от службы в связи с приглашением его в качестве санскритиста и индусолога для подготовки экспедиции в Индию.

1914 г. — причислен к Министерству Народного Просвещения и командирован для занятий в МАЭ при АН.

Недвижимого имущества не имеется.

Женат на дочери действительного тайного советника Л.А. Левиной, вступил в брак в 1912 г.

В списке служащих МНП на 1917 г. значится Мерварт Г.Х., откомандированный для занятий в МАЭ при АН» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 18. Л. 215].

---

¹⁶ «Я не религиозен. Пребывание в Братстве [святителей Ионы, Филиппа и Алексея] — из интереса к религиозным вопросам. Я атеист» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 177 об.]. Отец Г.Х. Мерварта и его семья принадлежали к секте «Новоапостольская община». [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 300 об.].

В 1911 г. Г.Х. Мерварт был зачислен вольнослушателем Санкт-Петербургского университета по Восточному и Историко-филологическому факультетам. Занимался у профессора Ф.И. Щербатского греческим языком и санскритом, у профессора Ростовцева — римской историей и латинским языком, у И.А. Бодуэна де Куртенэ и П.В. Булычева — сравнительным языкознанием. Ф.И. Щербатской в конце 1912 г. познакомил Г.Х. Мерварта с В.В. Радловым [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 401–402 об.].

В 1912 г. Г.Х. Мерварт принял русское подданство, «чтобы поступить в учебное заведение», он поступил вольнослушателем в Петербургский университет по Восточному факультету [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 174 об.].

«К тому времени я был обручен с моей теперешней женой, которая не хотела выйти замуж за человека иностранного подданства, потому что она не хотела стать германской подданной. Кроме того, в то время думал уже окончательно устроиться в России, поступив опять вольнослушателем в Университет, заниматься восточными языками. Переход в русское подданство произошел таким образом: узнал от отца одного из моих учеников, что лица, служащие на государственной службе, — я тогда был преподавателем немецкого языка в гимназии Ягдфельда, обладавшей правами правительственной гимназии, — могут перейти в русское подданство без соблюдения обычных сроков и формальностей. Всё, что мне пришлось сделать, было — пойти вместе с директором гимназии к пастору Ганзен, отцу теперешнего пастора — принести присягу верности России и на основании свидетельства от пастора я выбрал русский паспорт. Т.о. я фактически официально не был выпущен из германского подданства. Я, правда, этим обстоятельством не пользовался. В Германии я говорил всем моим родственникам и знакомым, что я стал русским подданным» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 294–295].

Позднее Герман Христиан изменил свое имя на Александр Михайлович Мерварт: «Православие принял в Индии в 1916 г. для того, чтобы переменить имя и отчество, которое тогда было

одиозно ввиду войны с Германией» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 177 об.]. Но дома его еще раньше звали Александром: в письме с о-ва Цейлон 1 сентября 1914 г. Л.А. Мерварт пишет: «Шурочка всех Вас целует» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 10].

Л.А. Мерварт впоследствии указывала: «А. Мерварт по моему настоянию принял русское подданство. Тогдашний секретарь германского консульства в Ленинграде Пахер уговорил его сохранить за собой и немецкое гражданство. Александр Михайлович хотел это сделать, но я воспротивилась. Александр Михайлович обещал мне от этой мысли отказаться» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 14. Л. 39–40].

Те, кто хорошо знали Мерварта лично, отмечали яркость его натуры. Говорили, он был веселым, остроумным, необычайно энергичным человеком. Довольно высокого роста, худощавый, светловолосый, он, казалось, как ходил, так и по жизни шел — легко, и все, чем занимался, делал точно играючи. В то же время его отличало огромное трудолюбие. Возможно, сказались семейные традиции. Он был родом из небогатой баденской семьи, в которой все с раннего возраста трудились.

Далее в своем «Жизнеописании» А.М. Мерварт пишет: «В 1913 г. зимой я получил от академика В.В. Радлова, тогдашнего директора Музея Антропологии и Этнографии Академии наук, которому меня рекомендовал мой учитель проф. Щербатской, приглашение поступить на службу Музея и создать индийский отдел этого музея. Я принял приглашение и стал работать в Музее. Летом 1913 г. я получил командировку в Берлин и Мюнхен для изучения индийских отделов этих двух музеев. После подготовки к своей командировке в Индию я уехал в начале апреля 1914 г. на пароходе Добровольного Флота в Коломбо. Я пробыл на Цейлоне и в Индии почти 4 года. Отчет о нашей научной и собирательской работе напечатал в изданиях АН» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 235].

Список лиц, с которыми Г.Х. Мерварту приходилось встречаться и знакомиться — служебно и штатно — с 1914 г. в Санкт-

Петербурге, весьма представителен: В.В. Радлов, директор МАЭ; Л.Я. Штернберг, старший этнограф; С.Ф. Ольденбург, непреходящий секретарь Академии наук; Ф.И. Щербатской, профессор; М.И. Ростовцев, профессор; Ф.Ф. Зелинский, профессор; И. Бодуэн де Куртенэ, профессор; С.Н. Булич, профессор; Г.Г. Зоргенфрей, директор VI гимназии; Б.Г. Ягдфельд, директор частной гимназии, и тогдашний учительский состав этой гимназии; сотрудники МАЭ (В.В. Лемешевский, Е.Л. и Б.Э. Петри, К.К. фон Гильзен, Э.К. Пекарский, С.М. Широкогоров, С.М. Дудин, К.З. Яцута, А.И. Иванов, Я.В. Цехановский, Ф.А. Фиельструп, Г.Г. Манизер) [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 297 об.]. В связи с экспедицией в Индию Г.Х. Мерварт познакомился с Б.А. Игнатьевым, одним из членов попечительного совета МАЭ [Там же].

Людмила Александровна Мерварт (родилась 25 августа, или 6 сентября по новому стилю, 1888 г. в Санкт-Петербурге¹⁷; скончалась 9 сентября 1965 г. в Москве) была исконной петербурженкой, дочерью известного врача — инфекциониста и эпидемиолога Александра Михайловича Левина, доцента Военно-медицинской академии. Мать ее ушла из жизни в молодом возрасте, но мачеха (третья жена отца, вторая также умерла очень рано) умела создать в семье дружную, счастливую атмосферу для всех четырех детей А.М. Левина. Хотя при этом, отметим, эта женщина не рассталась с любимой профессией: она была отличной хирургической медсестрой. Марию Семеновну в семье всегда вспоминали как человека необыкновенной доброты, чуткости и ума.

Многие годы «гнездом» большой семьи была пятикомнатная квартира на первом этаже дома по Спасской (позже — Рылеева) улице. Позднее она стала коммунальной, но, к счастью, половину квартиры заняли хотя и чужие люди, но симпатичные: добрые и порядочные. В доме сохранялась семейственная атмосфера.

---

¹⁷ Л.А. Мерварт о себе писала в анкетах, что родилась в августе-сентябре 1888 г. в г. Санкт-Петербурге, русская. «Социальное происхождение: дворянка (личное), дочь профессора медицины. Отец получил дворянство как научный работник и происходит из мещан» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 9].

Сюда, к своему детству и общему семейному прошлому возвращалась Л.А. Мерварт из путешествий по дальним странам, из временных жилищ (казенных комнат, общежитий) в родном городе, из Москвы, когда стала ее постоянной жительницей (а московский период ее жизни был не мал — он длился около 30 лет). Когда уже покинули этот мир самые близкие ей люди, ее все еще встречали в том доме по-родственному, с радушием, уважением и любовью вдова и дочь ее младшего брата Владимира Александровича Лобанова. Именно от них в 1970–1980-е годы одна из авторов настоящей книги узнала ряд подробностей об истории семьи Левиных-Мерварт, ей подарили фотографии Людмилы Александровны и ее супруга, вынув их из семейного альбома. Хочется отметить интересное совпадение: на этой улице, Спасской/Рылеева, почти окна в окна с бывшей квартирой А.М. Левина теперь расположено Генеральное консульство Индии. Существуют же в продолжительном течении жизни какие-то тайные связи и знаки...

С детства Л.А. Мерварт отличалась большими способностями к изучению языков, а еще — мечтой увидеть своими глазами Индию. Об этой далекой удивительной стране она девочкой много слышала от отца. Александр Михайлович Левин в 1897 г. во время страшной эпидемии бубонной чумы в Индии был направлен русским правительством в Бомбей на помощь местным врачам. Он был совершенно покорен Индией и передал эту любовь и увлечение своей дочери, которая еще ребенком заслушивалась его рассказами о далеком удивительном крае ([Левин 1897]; см. также: [Ванина 2012]). Все дети А.М. Левина росли в атмосфере культа просвещенности, стремились строить свою жизнь в соответствии с идеалами интеллигентной среды. Людмила Александровна всегда стремилась к высокому образованию, получить которое для женщин ее времени было еще не очень просто.

Людмила Левина училась в Женской Мариинской гимназии. В 1910 г. окончила романо-германское отделение историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов, но этим не ограничилась и в 1911 г. добилась права сдать государственные экзамены в Петербургском университете [Мер-

варт Л.А. 1973]. К тому времени уже было разрешено женщинам сдавать экзамены за университетский курс, но, когда Людмила Александровна решила это сделать, она все же столкнулась с нежеланием некоторых университетских начальников пойти ей навстречу. Борьба завязалась драматично: когда она сдавала один экзамен, ей в надежде, что она не справится, на следующий же день предлагали сдать еще один, каждый раз труднее (как казалось экзаменаторам) предыдущего. Этот эпизод, о котором Н.Г. Краснодембской рассказывала сама Людмила Александровна, выразительно описан в очерке И. Всеволодова и А. Никифорова [Всеволодов, Никифоров 1973: 158–163].

Но утратить целеустремленную девушку не удалось: она была готова к сдаче экзамена и по литовскому языку, знание которого считалось редкостью, и по санскриту (ее ведь уже обучил этому древнему индийскому языку сам академик — индолог С.Ф. Ольденбург, который не придерживался в преподавательской деятельности ограничений по половому признаку). Так что в результате Л.А. Левина все-таки получила необходимое свидетельство, дававшее ей право на поступление в государственную службу, а именно в мужскую гимназию Ягдфельда, где она стала преподавать немецкий язык [Краснодембская 2011]. Итак, мы отмечаем то важное обстоятельство, что С.Ф. Ольденбург был наставником Л.А. Левиной (Мерварт) в индологии, Ф.И. Щербатской преподавал санскрит Г.Х. Мерварту.

У Людмилы Александровны Левиной (Мерварт) вообще были прекрасные лингвистические способности, и она овладела многими европейскими и восточными языками. 15 октября 1912 г. она была избрана в члены Неофилологического общества при Санкт-Петербургском университете [Записки 1914: 61], опубликовала научную статью в его «Записках» [Мерварт Л.А. 1914].

Людмила Александровна была невысокого роста, с юности полновата. Нежный овал лица, большие выразительные глаза, разлитая в облике глубокая женственность — такой предстает она на своих девичьих фото. Взгляд очень серьезный, целеустремленный. Возможно, отчасти сказывается сильная близорукость,

которой она страдала с детства. Близорукость была такой высокой степени, что всю жизнь Людмила Александровна могла читать и писать, лишь приближая текст к самым глазам. Но глубокая серьезность явно была свойственна и ее натуре.

Людмила Александровна работала с 1912 г. в средних учебных заведениях — в гимназии Никандровой, в гимназии Юргенсона, в Демидовской женской гимназии на высших педагогических курсах¹⁸, с февраля 1914 г. — в Петербургской VI гимназии Ягдфельда, иначе «Гимназии им. Наследника цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича» [СПбФ АРАН Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 3318. Л. 11], преподавание немецкого языка совмещала с практикой в МАЭ [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-78150. Л. 10 об.].

До 1912 г. Людмила Александровна жила у отца. Вступив в брак в 1912 г., молодые поселились отдельно (дом Перцова — Лиговка, 44, кв. 425 [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 65. Л. 263–266]). Молодые не были состоятельными людьми и никогда не стремились к накоплению денег. До 1914 г. все сбережения молодой семьи составляли 2000 руб. [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 181].

Людмила увлекла своего будущего мужа — Германа Христиановича Мерварта — своей любовью к Индии, которая стала одной из связующих нитей между молодыми людьми. Как рассказывали в свое время ее родные, она передала жениху свои мечты об Индии. И неожиданным образом эти мечты смогли реализоваться в удивительной полноте.

---

¹⁸ Демидовское учебно-воспитательное училище — приют, в который принимали девочек из бедных семей разных сословий и вероисповеданий. С 1908 г. — Демидовская женская гимназия, с 1912 г. — восьмиклассная, с двухгодичными педагогическими курсами иностранных (французский, немецкий) языков (с 1909 г.) при ней, на которые принимались девушки 17–21 года, окончившие семиклассный курс гимназий. Выпускницы курсов получали дипломы, на основании которых имели право преподавать иностранные языки во всех классах институтов, женских гимназий, в четырех младших классах мужских гимназий и прогимназий, и звание учительницы средних учебных заведений.

Далее жизнь супружеской пары оказалась неразрывно связана с Музеем антропологии и этнографии, с его задачами развития и совершенствования. Они были молоды, полны энтузиазма, образованны и трудолюбивы. И оба были готовы потрудиться для развития и обогащения известного петербургского музея.

1.4. Подготовка к экспедиции МАЭ

В.В. Радлов 27 марта 1913 г. добился согласия Историко-филологического отделения Императорской академии наук устроить в «Музее специальный отдел культуры Индии и Индо-Китая и для осуществления этого подготовить специалиста, знакомого с языками этих стран, которого можно было бы впоследствии командировать в Индию для собирания коллекций, и с этой целью предложил рекомендованному мне специалистами доктору филологии Гейдельбергского Университета, преподавателю гимназии Гермону Христиановичу Мерварту, специально занимавшемуся санскритским и дравидийскими языками, научно подготовиться к предлагаемой <...> экспедиции и отправиться в Берлин, чтобы работать там в течение лета в местных библиотеках и Музее народоведения под руководством профессора Грюнведеля». 27.03.1913 г. Конференция разрешила командировать Г.Х. Мерварта в Берлин с 1 мая 1913 г. и одновременно сделать распоряжение об исходатайствовании для него заграничного паспорта [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Ед. хр. 160. Л. 367 об.].

Из Берлина, Пассауерштрассе, 36 (Passauerstr. 36) 6 июня 1913 г. Г.Х. Мерварт рапортовал В.В. Радлову (письма написаны на немецком языке).

«Ваше Превосходительство!

Глубокоуважаемый господин тайный советник!

Вы, вероятно, уже думаете, что я ленюсь писать. Но прежде чем написать Вам, мне хотелось сначала лучше разобраться в здешней обстановке. В Берлине я около 1½ недель и очень доволен увиденным здесь. Более всего — самим профессором Грюнведелем. Такого радушия и неизменной готовности пойти навстречу я и представить себе не мог. Я очень рад этому. Радуют меня

и личные отношения, которые завязались за короткое время. Грюнведель — при всей его баварской прямолинейности и резкости высказываний в адрес тех, кто ему неприятен, — прекрасный, добрейшей души человек, вынужденный, к сожалению, находиться в окружении, которое его не понимает, и приспособиться к которому он не может. Это трагедия. Господа ЛеКок¹⁹ и Мюллер²⁰ сейчас отсутствуют, поскольку Мюллер тяжело болен; так что нет необходимости пускаться в ход мое дипломатическое искусство.

В Музее я основательно изучил первобытные народы, а также дравидов. Теперь начал заниматься северной Индией, Бенгалией. На основе сравнительных материалов проработал «письменность». Материал очень богатый, хотя не всегда равноценный. Развитие религии показано совершенно бессистемно, разбросано по всевозможным картам. Вообще принятый здесь способ представления²¹ представляется спорным. Соединение географического и предметного принципов сразу же производит впечатление отсутствия всякой системы, хотя я прекрасно понимаю, что строгое следование одному принципу имеет свои недостатки. Великолепное собрание: Ассам и государство шанов. Прекрасно представлены племена Нилгири. Также очень богатое собрание по кхондам. Представлено довольно много типов народов, но фигур недостаточное количество, к тому же они практически скрыты от глаз посетителей. Показаны и сцены индийского народного быта: свадебное шествие, к сожалению, без пояснения деталей, и сцена нападения тугов²² — тоже без пояснительного текста.

---

¹⁹ Лекок, Альберт фон (нем. Albert von Le Coq, 1860–1930) — немецкий исследователь Центральной Азии, археолог, сотрудник Берлинского музея народоведения, руководитель Первой королевской прусской экспедиции в Турфан.

²⁰ Мюллер, Герберт (нем. Herbert Müller, 1885–1966) — сотрудник Востоочноазиатского отдела Берлинского музея народоведения. В 1912–1914 гг. совершил путешествие в Китай для сбора археологических материалов.

²¹ Разъяснение музейных терминов см. в главе 5.

²² Туги — индийские разбойники-душителы, поклонявшиеся богине Кали.

Обо всех подробностях и результатах моих штудий, с Вашего любезного позволения, доложу по своём возвращении. У меня к Вам есть ещё просьба относительно создаваемой подсобной библиотеки Индийского отдела. Необходимо приобрести (даже если имеется в наличии в других библиотеках Петербурга): 1) «*Indian Gazetteer*»²³, а именно самое последнее издание. Оно, правда, дорогое — 50 рублей, но это основа для дальнейшего развития. 2) *Thurston*. «*Castes and Tribes of Southern India*»²⁴. В целом недорого: все 7 томов стоят, полагаю, около 10 рублей. Однако по уверению профессора Грюнведела Мадрасский Музей отдает научным учреждениям экземпляры бесплатно. Поэтому было бы хорошо от имени Музея или Академии написать официальное письмо в дирекцию [Мадрасского] Музея, чтобы труд осенью был в Петербурге.

Это пока самое срочное. Надеюсь, что эти строки застанут Вас в добром здравии. Остаюсь

Преданный Вашему Превосходительству

Д-р Г. Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 65. Л. 168–170 (на нем. яз.)].

Следующее письмо В.В. Радлову отправлено 22 июня / 9 июля 1913 г. из Мюнхена (пансион Бухер, Максимилианштрассе, 20б III; Maximilianstr. 20b III, Pension Bucher).

«Ваше Превосходительство!

Глубокоуважаемый господин тайный советник!

Вначале я хотел бы принести извинения за долгое молчание, но я настолько устал за последние недели, что сил хватало лишь для работы в музеях. Своим пребыванием в Берлине я весьма удовлетворен. Этим я обязан прежде всего неизменной любезности и поразительным знаниям Грюнведела. Я очень рад тому, что мы с ним сблизились, поскольку именно наши частые беседы дали мне так много идей относительно направления моей работы, такие

---

²³ “The Imperial Gazetteer of India” — географический справочник Британской Индии, издается с 1881 г.

²⁴ *Thurston E., Rangachari K. Castes and Tribes of Southern India. Vol. I–VII. Madras: Government Press, 1909.*

ценные указания, что теперь я довольно чётко представляю стоящую передо мной задачу, пусть даже и в общих чертах. Грюнведель обратил мое внимание на ряд особенно важных и богатых с этнографической точки зрения областей, а именно: Цейлон, Нилгири, внутренний Декан, Ориссу и в том числе на районы Гималаев. На Цейлоне особенно интересны демонические культы. Я собрал и изучил соответствующую литературу (Грюнведель в свое время тоже занимался этим вопросом и опубликовал очень хорошую статью) и пришел к выводу, что при определенном знании сингальского языка и наблюдая церемонии собственными глазами здесь можно сделать ещё очень много. Именно для понимания индуизма и, конечно же, современного буддизма необходимо всестороннее изучение веры в демонов – насколько возможно в самых широких взаимосвязях. Я думаю провести на Цейлоне, вероятно, месяца 2–3, собрать по возможности полный набор масок демонов, попытаться раздобыть имеющуюся туземную литературу (книги заклинаний и колдовства); хотелось бы, если позволят обстоятельства, сделать фонографические записи и фотографические снимки заклинаний и получить таким образом материал для дальнейшей более тщательной обработки. Затем я намереваюсь направиться в Южную Индию, для начала на 1–2 недели в Мадрас для того, чтобы приобрести там знакомства и далее во внутренние районы, главным образом к горным народам. И здесь среди всего прочего мне хотелось бы узнать всё, что только возможно, о демонизме у тамиллов. Детали, разумеется, мне пока еще неясны, это станет понятно зимой, когда я буду изучать соответствующую литературу. Особенно богаты (по сведениям Грюнведеля и Шермана и судя по материалам коллекций) Ассам и гималайские страны. Это касается одежды, оружия, домашнего убранства, которые вследствие более сурового климата должны быть представлены богаче и разнообразнее, а также самых различных форм культа, в которых древнее колдовство, анимизм причудливо переплетаются с индуизмом и буддизмом. Территория огромная по протяженности, поэтому для путешествия по Гималаям мне, видимо, может потребоваться весь второй год.

Для посещения таких центров индуистской культуры как Дели, Бенарес, Пуна и т.д. остается тогда в лучшем случае около 6 месяцев. Но, во-первых, во всей этой области отличное транспортное сообщение, во-вторых, исходя из того, что мне известно, для этих индуизированных частей страны характерно значительное единообразие — так что для нашего Индийского отдела, должествующего содержать в первую очередь всё самое важное и типичное, указанный период времени кажется вполне достаточным. Наиболее интересными мне представляются первобытные племена, дравиды и гималайские народы.

Тем временем я обстоятельно осмотрелся и в Мюнхене и отметил для себя некоторые важные и любопытные моменты. По содержанию своему здешний Музей далеко не столь богат, как Берлинский, тем более что материалы бирманской экспедиции Шермана еще не распакованы и лежат на недоступных складах. Однако пребывание в Мюнхене было для меня важным постольку, поскольку выставление у Шермана может служить образцом во всех отношениях, оно основано на индивидуальном подходе и прекрасном понимании потребностей посетителя. Это внимание к интересам публики, к сожалению, полностью отсутствует в Берлине — и таким образом все богатство Берлинского музея уступает по наглядности и поучительности сравнительно небольшому количеству экспонатов в Мюнхене.

Вместе с тем мне удалось установить очень хорошие личные отношения с Шерманом. Мне просто недостает слов, чтобы в полной мере отдать должное его любезности и радушию. Эти отношения, надеюсь, будут только полезны для нашего Музея и для моей поездки в особенности. Шерман пообещал мне написать рекомендательные письма к своим корреспондентам и знакомым в Индии, а в частных беседах с ним и его женой я получил множество полезных советов: о путешествиях в Индии, общении с англичанами и местным населением, о ценных с этнографической точки зрения областях и т. п.. Так что своим пребыванием в Мюнхене я могу быть только доволен. Шерман также выдвинул различные предложения о сношениях между музеями,

в частности между Петербургом и Мюнхеном, которые кажутся мне весьма достойными внимания. По своем возвращении позволю себе доложить Вам об этом устно.

Оставшиеся от летних каникул дни я проведу у своих родителей в Брухзале (Schlossraum 23), чтобы здесь спокойно осмыслить впечатления лета и подыскать что-нибудь для занятий зимой. 26/13 августа приеду в Петербург и буду ожидать Вашего приглашения сделать доклад.

Мой петербургский адрес: Лиговка 44 кв. 425. Телефон: дом Перцова, № 425.

Надеюсь застать Вас в полном здравии, за сим остаюсь

Искренно преданный Вам Г. Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 65. Л. 263–266 (на нем. яз.)].

Результаты командировки стали подспорьем для дальнейших усилий В.В. Радлова по привлечению специалистов в МАЭ. 25 сентября 1913 г. он информировал Историко-филологическое отделение Императорской академии наук, что «при непрерывном росте Музея и расширении его отделов является необходимость в увеличении персонала специалистов по разным областям этнографии и археологии. Не имея возможности всем таким лицам давать штатные места, я, на основании долголетнего опыта, считаю целесообразным всего ввести несколько мест сверхштатных, которые давали бы таким лицам, по крайней мере, привилегии государственной службы, каковой мерой можно бы привлечь за сравнительно небольшое вознаграждение на постоянную службу лиц с надлежащими знаниями и опытом. Ввиду этого прошу исходатайствовать разрешение Господина Министра Народного Просвещения на введение в штаты 1 места сверхштатного младшего антрополога и 2 сверхштатных младших этнографов» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 82].

Г.Х. Мерварт был принят на службу в МАЭ по вольному найму с 01 октября 1913 г. с жалованием 80 руб. в месяц, чтобы он «мог бы научно обработать музейный материал и со временем стать специалистом по индологии» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Ед. хр. 160. Л. 406 об.].

14 января 1914 г. В.В. Радлов ходатайствовал перед Министром народного просвещения Львом Аристидовичем Кассо о перспективных молодых ученых, которых он стремился закрепить за МАЭ: *«Пользуясь любезным согласием Вашего Высокопревосходительства уделить личное мое перед Вами ходатайство, согласно Вашему желанию излагаю письменно это мое ходатайство, состоящее в следующем:*

Штатный преподаватель немецкого языка в Санкт-Петербургской Шестой Гимназии, доктор Гейдельбергского Университета Герман Христианович Мерварт в качестве санскритиста и индусолога приглашен мною для подготовки к большой экспедиции в Индию. Ввиду того, что большие подготовительные работы к этой экспедиции вынуждают его оставить штатное место в гимназии, и в то же время для него очень важно сохранить свои права Государственной службы, прошу прикомандировать его к Министерству Народного Просвещения с откомандированием в распоряжение вверенного мне Музея впредь до утверждения возбужденного Академией ходатайства о введении в штат музейного персонала сверх штатных этнографов» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 204].

Совет министров 5 мая 1914 г. учредил сверхштатные должности: две — младшего этнографа и одну — антрополога в Музее антропологии и этнографии имени императора Петра Великого при Императорской академии наук, две — младшего ученого хранителя в Азиатский Музей; *«VII класс по чинопроизводству, но без присвоения им содержания и пенсионных прав»* [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 192]. 10 сентября 1914 г. на сверхштатные должности младших этнографов при МАЭ были единогласно избраны и утверждены ИФО ИАН прикомандированные к Министерству народного просвещения и откомандированные для занятий в музее: 1) окончивший по 1-му разряду Санкт-Петербургский университет по естественному факультету по отделению географии Б.Э. Петри; 2) доктор Гейдельбергского университета Г.Х. Мерварт. *«Оба эти лица своей работой в Музее вполне зарекомендовали себя как добросовестные и научно-подго-*

товленные музейные работники» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 447 об.].

Письмо министра за № 892 о причислении приватно работающего в МАЭ Г.Х. Мерварта к Министерству народного просвещения с откомандированием для занятий в Музей было предъявлено в ИФО ИАН 26 марта 1914 г. [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 320], и ИФО ИАН в заседании № 4 26 марта 1914 г. подтвердило согласие «откомандировать Германа Христиановича Мерварта и Людмилу Александровну Мерварт на о. Цейлон и в Южную Индию на 1 год для собирания этнографических коллекций для Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого при Императорской Академии Наук; войти в сношение с правительством Великобритании об оказании содействия. Средства на экспедицию предоставлены Попечительному совету его почетными членами Б.А. Игнатьевым и К.К. Шейблером» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 404 об.].

Департамент народного просвещения, разряд ученых учреждений и высших учебных заведений Министерство народного просвещения 2 апреля 1914 г. уведомил вице-президента ИАН: «Вследствие отношения от 19 марта с.г. за № 1276 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что на основании Высочайшего повеления 8 апреля 1896 г. Министерство разрешает командировать причисленного к Министерству Народного Просвещения доктора философии Гейдельбергского университета Германа Мерварта и Людмилу Мерварт на о. Цейлон и в Южную Индию, для собирания этнографических коллекций для Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого при Императорской Академии Наук, сроком на два года с 5 сего апреля. Подлинное подписал за Министра Народного Просвещения Товарищ Министра В. Шевяков» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 274]. Канцелярия Правления ИАН передала директору МАЭ копию этого отношения министра народного просвещения от 2 апреля за № 19042 [Там же. Л. 273].

Г.Х. Мерварт между тем приступил к изучению небольших тогда индийских коллекций в МАЭ. Консультации опытных индологов из германских музеев — профессоров А. Грюнведеля и Л. Шермана, получивших образование в Мюнхенском университете, владевших индийскими языками, имевших опыт полевых исследований, позволили ему определиться с маршрутом будущей экспедиции и своей специализацией: коллеги настоятельно рекомендовали ему изучать дравидийские языки. Хотя ознакомиться в Мюнхенском музее с не распакованными еще бирманскими вещами (а Бирма тогда была частью Британской Индии) Г.Х. Мерварт не смог, впоследствии, работая в Индийском музее в Калькутте, он приобрел бирманские экспонаты для МАЭ. Г.Х. Мерварт решил по возможности изучать издаваемые на местах книги, делать фонограммы и фотографии, в частности религиозных обрядов, чтобы позднее обрабатывать собственный полевой материал. В ходе поездки в Германию он проштудировал новейшие публикации по теме будущей экспедиции и ознакомился с материальной культурой некоторых народов Южной Азии. Экспозиции и фондохранилища, несомненно, произвели на него сильное впечатление, если Г.Х. Мерварт задумался о находках и упущениях музейных кураторов в процессе экспонирования индийских коллекций. Этих ошибок он старался избежать в последующей деятельности. Л. Шерман также содействовал подготовке экспедиции.

Здесь и ниже письма Г.Х. Мерварта и Л. Шермана на немецком языке из нешифрованного архива мюнхенского Музея народоведения даются в переводах с оригиналов, публикуются впервые. Приведем письмо Г.Х. Мерварта из МАЭ Л. Шерману 29 января 1914 г.

«Уважаемый г-н профессор!

Сердечно благодарю Вас за дружеское письмо. Справочные материалы по Индии пришли как нельзя кстати, поскольку на днях мне нужно будет составить предварительную смету расходов моей поездки для представления Попечительному совету Музея. Однако поездка начнется раньше, чем я предполагал летом. Если

ничего не произойдет, думаю отправиться в путь отсюда 5 мая [по старому стилю]. Обращаюсь к Вам поэтому, в надежде на Вашу любезность, с большой просьбой. Летом Вы были столь добры обещать мне написать несколько рекомендательных писем для Индии. Я, конечно, получу официальное удостоверение [Beglaubigungsschreiben] от Академии к правительственным учреждениям, а также к частным лицам с точно такой же официальной просьбой об оказании содействия в моей работе, но Вы ведь сами знаете, насколько более весома личная рекомендация, особенно для англичан. Был бы Вам чрезвычайно признателен за Ваше содействие в данном вопросе. Со своей стороны, я готов охотно исполнить возможные пожелания Вашего Музея, касающиеся коллекций и т.д., при условии, что это не будет слишком отклоняться от основного направления моей работы. Прошу Вас дать мне указания на этот счет. Прежде всего для меня важна рекомендация к сэру к сэру Марку Аурелу Стейну²⁵ и чиновникам в Пешаваре, к которым вероятно придется обратиться; кроме того, если это возможно, — к чиновникам в Южной Индии (Мадрасе, Мадуре, Траванкоре). Ваши фотографии японских Небесных Царей [Himmelskönige]²⁶ я показал Иванову²⁷ и Штернбергу. Радлов также весьма ими заинтересовался. Мы с удовольствием вступили бы в переговоры по обмену, если бы Вы сообразовали означить Ваши пожелания. У нас есть очень ценный материал по

---

²⁵ Стейн Марк Аурел (Mark Aurel Stein, 1862–1943) — британский путешественник и этнограф венгерского происхождения, совершивший несколько путешествий по Восточному Туркестану. Опубликовал редкие древнеиндийские трактаты. Генеральный инспектор образования и руководитель археологического отдела Северо-Западной пограничной провинции (1910).

²⁶ Четыре небесных покровителя (яп. Shi-tennō, санскр. Lokarāla — «Охранитель мира») — в буддизме божества-властители и охранители сторон света.

²⁷ Иванов Алексей Иванович (1878–1937) — синолог, приват-доцент (профессор — с 1915 г.) Императорского Петербургского университета, работал приватно в МАЭ с 1907 г.

мордвинам (костюмы и т. д.). И из сибирского материала можно, пожалуй, составить что-нибудь интересное.

У Радлова сейчас, слава богу, все снова хорошо. Человек несмотря на свои 77 лет обладает невероятной энергией и бодростью. С большим сожалением узнали о том, какая тяжелая зима была у Вашей дочери. Надеюсь, теперь все в порядке. Моя жена передает всем сердечный привет и я прошу Вас кланяться непременно Вашим уважаемым дамам. Остаюсь преданный Вам А. Мерварт».

Благодаря энергии, настойчивости, последовательной просветительской деятельности академика В.В. Радлова ИАН удалось договориться с руководителями российских железных дорог, Почтового ведомства, Таможни (как Портовой, так и Сухопутной), разных компаний торгового и пассажирского флота, так что система отправки и доставки коллекций в МАЭ из всех частей света была налажена, выработаны единые нормы оплаты транспортировки грузов и командированных ИАН сотрудников.

Коллекции с Дальнего Востока и стран Азии приходилось отправлять в Санкт-Петербург морским путем. Этому способствовали русские консулы в Сингапуре, Коломбо, Калькутте, Рио-де-Жанейро и других портах. Грузы доставлялись на судах разных российских морских судоходных обществ. Большую помощь МАЭ оказали руководители «Добровольного флота». Суда этой паровой компании ходили по главной восточной линии «Одесса — Владивосток», также «Одесса — Санкт-Петербург» и др. Как правило, ходатайство относительно перевозки музейного груза составлял директор МАЭ, и неперемный секретарь ИАН направлял документ в комитет. Управление Добровольного флота размещалось в Петербурге по адресу Большая Морская ул., 19. Принципы сотрудничества ИАН и Добровольного флота были в основном согласованы в 1898 г. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1898. Ед. хр. 4. Л. 12]. Добровольный флот по возможности предоставлял также льготный или бесплатный проезд из Одессы, Владивостока и других портов участникам академических экспедиций.

В.В. Радлов направил 5 февраля 1914 г. официальное письмо председателю правления Добровольного флота Его Превосходительству Михаилу Валериановичу Князеву «со следующей просьбой: Музей Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого снаряжает экспедицию в Индию для собирания этнографических коллекций и для научных исследований и командирует для этой цели состоящего на службе в Музее Германа Христиановича Мерварта и жену его Людмилу Александровну Мерварт. Ввиду крайне ограниченных средств Музея обращаюсь к Вашему просвещенному содействию для предоставления означенным лицам свободного проезда на пароходах Добровольного Флота от Одессы до Коломбо и обратно. Экспедиция предполагает выехать из Одессы 10 мая с.г.» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 242].

Подготовка экспедиции проводилась и по дипломатическим каналам. 26 февраля 1914 г. В.В. Радлов просил ИФО ИАН обратиться в Министерство иностранных дел с просьбой войти в сношение с правительством Великобритании об оказании возможного содействия Г.Х. и Л.А. Мерварт, командируемым на о. Цейлон и в Южную Индию для собирания этнографических коллекций сроком пока на один год [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 271]. Для них были изготовлены командировочные листы, выданы заграничные командировочные паспорта [Там же. Л. 295]. 27 марта 1914 г. удостоверения по командировке ИАН в Южную Индию и на о. Цейлон на два года для собирания этнографических коллекций были выданы Г.Х. Мерварту и Л.А. Мерварт, то же — на французском языке [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 20–23]. По истечении срока командировки в 1916 г. им были высланы в Индию новые удостоверения («Г.Х. Мерварт командирован в Индию и на о. Цейлон для собирания этнографических коллекций сроком на два года»; «Учительница Петроградской гимназии Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича Л.А. Мерварт командирована в Индию и на о. Цейлон для собирания этнографических коллекций сроком на два года», то же — на французском языке) [СПбФ

АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1916. Ед. хр. 8. Л. 14–17]. Уже во время экспедиции, 6 марта 1915 г., Правление ИАН выдало младшему этнографу (сверх штата) Г.Х. Мерварту удостоверение в том, что он, состоя ученым хранителем индийского отдела МАЭ, «на точном основании закона не подлежит призыву к отбыванию воинской повинности» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 62].

Директор МАЭ академик В.В. Радлов 19 февраля 1914 г. отправил официальное письмо директору VI гимназии, известному педагогу, профессору Петербургского университета Его Превосходительству Густаву Густавовичу Зоргенфрею: «Милостивый Государь, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что, ввиду непредвиденных мною и не зависящих от меня обстоятельств, я вынужден перенести время отъезда состоящей преподавательницей немецкого языка во вверенной Вам гимназии Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича Людмилы Александровны Мерварт, командированной Музеем Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого с научной целью в Индию, с 10 мая на 15 апреля с.г. Перемена эта находится в связи с изменением расписания пароходов Добровольного Флота. Вы бы поэтому очень обязали меня, если бы Вы нашли возможным освободить Людмилу Александровну Мерварт от возложенных на нее обязательств с 15 апреля с.г. Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в совершенном моем уважении и искренней преданности» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 260].

Радлов заботился о получении для членов экспедиции рекомендательных писем, обращался с просьбой о консультациях к некоторым видным европейским исследователям и знатокам индийской культуры. Например, к тому же А. Грюнвелделю.

Старший этнограф МАЭ Л.Я. Штернберг также использовал свои научные знакомства в Европе, стремясь облегчить эти задачи для молодых исследователей. 17/31 марта 1914 г. он обратился к знаменитому британскому антропологу профессору

У.Х. Риверсу²⁸, с которым познакомился на Международном конгрессе американистов в Лондоне (1912). Л.Я. Штернберг просил его рекомендовать Г.Х. Мерварта местным ученым и вообще всем лицам, которые могли бы быть полезными для его миссии, снабдить его рекомендательными письмами или любой полезной, по его опыту, информацией. В первый год экспедиции д-р Мерварт намеревался проводить исследования в южной части Индии [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 308 об.].

Мерварты прошли специальный курс обучения, чтобы уметь пользоваться новой непростой техникой. МАЭ заказал 1 апреля 1914 г. представителю Генеральной компании «Pathé Frères» в Санкт-Петербурге для Г.Х. Мерварта хронометрический аппарат «Профессионал» с полным комплектом за 900 руб. с выплатой половины суммы сейчас, второй половины — 1 июля [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 343]. Ему был выдан полный комплект съемочного профессионального аппарата и вертикальная платформа, 111 м негативной пленки для пробы аппарата. На эти последние предметы г. Мерварт обещал дослать добавочное требование. *«При сем счет за негативную пленку на 26 руб. 64 коп. Считаю долгом уведомить Вас, что нами принимаются на обработку негативы наших клиентов, т. е. проявление негативов и печатание позитива. Т.к. г-н Мерварт по всей вероятности будет проявлять негативы в наших отделениях в Калькутте и Бомбее, то мы можем предложить Вам печатание позитивов по цене 35 коп. за метр. В зависимости от количества метража вышеупомянутая цена может быть значительно уменьшена»* [Там же. Ед. хр. 67.

---

²⁸ Риверс Уильям Хальс Риверс (William Halse Rivers Rivers, 1864–1922) — британский психиатр, антрополог, этнолог. Руководитель кембриджской экспедиции на острова Торресова пролива (1898), исследователь Соломоновых островов (1907–1908) и населения Меланезии (1915). Шесть месяцев провел среди народа тода в горах Нилгири в Индии (1901–1902).

Л. 102]. Генеральная компания фонографов и синематографов и точных аппаратов братьев Патэ выставила 11 апреля 1915 г. МАЭ «счет на отпущенный, согласно требованию Музея, господину Мерварту съемочный аппарат с принадлежностями, на общий счет 935 руб. При взятии аппарата г-н Мерварт уплатил 450 руб., состоит за Вами 485 руб., каковую сумму покорнейше прошу не отказать мне уплатить» [Там же. Ед. хр. 70. Л. 19]. Уплата по этому счету осуществлена из сумм, ассигнованных для МАЭ [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1915. Ед. хр. 162. Л. 416].

Ф.К. Вериго-Даровский в своей кинематолаборатории (Коломенская ул., д. 5, кв. 102) обучил Г.Х. Мерварта кинематографическому делу. 10 июня 1914 г. он предложил МАЭ услуги по печатанию позитивов с негативов, которые будут получены от него из Индии. «До отъезда своего из Санкт-Петербурга г-н Мерварт был так любезен предложить исполнение этой работы мне, зная отличное, скорое и дешевое исполнение таковых моей лабораторией под моим личным наблюдением. Печатание негативов для Этнографического Музея можно исполнить по крайне дешевой цене в 25 коп. за погонный метр, включая анилиновую окраску ленты, но без химических виражей, за которые обыкновенно взимаю надбавку 5 коп. за метр. Я надеюсь, что при получении от г-на Мерварта негативов, таковые будут переданы мне для изготовления соответствующих позитивов» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 176–176 об.].

Также Мерварты взяли с собой фонограф. 300 валиков для фонографа, как 5 мая 1914 г. сообщали представители Chemische Fabrik E. Sauerlandt из Flurstedt-bei Apolda, Thüringen, по просьбе д-ра Пауля Хамбруха (Dr. Paul Hambruch)²⁹ были отправлены в Русское консульство в Коломбо, счет составил

---

²⁹ Гамбрух Пауль (Dr. Paul Hambruch, 1882–1933) — немецкий этнолог и фольклорист. Заведовал отделом Океании Музея народоведения (Museum für Völkerkunde) в Гамбурге.

225 марок 60 пфеннигов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 128, 162]. 4/17 июня 1914 г. В.В. Радлов переслал этот счет в Коломбо д-ру Мерварту [Там же. Ед. хр. 66. Л. 419].

Впоследствии музей получил немалые фотографические коллекции в виде негативов и позитивов, судьба фонографических записей, к сожалению, неизвестна.

Итак, наши путешественники были хорошо экипированы и подготовлены к экспедиции на Цейлон и в Индию. Существовала договоренность об обработке их материалов на местах.

В 1914 г., 27 марта, участникам экспедиции вручили командировочные удостоверения о поездке «*в Южную Индию и на о. Цейлон на два года для собирания этнографических коллекций*» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 21]. 10 апреля в 19 час. 25 мин. поездом в вагоне II класса они выехали из Санкт-Петербурга в Одессу, где поселились сразу на пароходе «Екатеринослав». Из Одессы они написали первые восторженные открытки: «*2 мамы, 3 Володи, 1 Люсе, 1 тете Соне, 1 Штернбергу, 2 Гарди*³⁰», *1 в Брухзаль и 1 Эмме* — сестре Германа Христиановича. 15 апреля 1914 г. в 4 часа пополудни пароход вышел из Одессы [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 261] и 17 апреля прибыл в Новороссийск, откуда Мерварты написали В.В. Радлову и Сергею (брату Людмилы Александровны) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 60. Л. 2–3]. Там 18 апреля 1914 г. Мерварты приняли первую дозу хинина, а Л.А. Мерварт приняла решение вести дневник [Там же. Л. 5]. К сожалению, обилие новых впечатлений помешало ей регу-

---

³⁰ Петри Бернгард Эдуардович (1884–1937) окончил Императорский Петербургский университет по физико-математическому факультету (1911) и с 1911 г. был допущен к безвозмездной работе в МАЭ с внесением в списки служащих лиц, в 1912 г. — зав. Русским отделом [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1914. Ед. хр. 8. Л. 29], в 1912–1913 гг. — зав. отделом археологии. 10 сентября 1914 г. Б.Э. Петри и Г.Х. Мерварт были избраны сверхштатными младшими этнографами МАЭ без оставления причисленными к Министерству народного просвещения.

лярно делать записи в толстой линованной тетради, но первые дни путешествия и пребывание на Цейлоне фрагментарно отражены в дневнике № 1.

Пароход «Екатеринослав» направился в Константинополь, оттуда через Порт-Саид и Суэцкий канал к берегам Индостана.